

Лев Кантолинский (1923 - 2019) – филолог, преподаватель русского языка и литературы. Организатор школьного театра в Казачьей Лопани (Украина), в котором поставил «Мистерию Буфф» Маяковского, «Мёртвые души» Гоголя и другие спектакли. Публиковал заметки и статьи в периодических изданиях Израиля. Соавтор первого сборника "Львиные песни" и сборника переводов "Поэзия Смуглой Леди Шекспира". Участник Второй мировой войны (орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и другие).

ЛЕВ КАНТОЛИНСКИЙ

Военная автобиография¹.

Годы Второй Мировой войны.

Я был призван в Армию в мае 1943 года Кировским военкоматом города Чкалова (ныне Оренбург)². В течение трёх месяцев проходил воинскую подготовку в стрелковом учебном полку. В августе месяце в составе маршевой роты был направлен на фронт и оказался в 69-й танковой бригаде, как боец-автоматчик мотострелкового батальона. 19 августа 1943 года при переформировке был переведен в 116-ю отдельную танковую бригаду и зачислен в зенитно-пулемётную роту, в качестве наводчика зенитного пулемёта.

В нашей роте было 3 взвода. В каждом взводе был один устаревший грузовичок «ЗИС», на котором перевозились 3 пулемёта ДШК (аббревиатура от имён его конструкторов: Дегтярёв, Шпагин, Колесников), ящики с патронами и три пулемётных расчёта, каждый из которых включал 3-х человек: наводчика, подносчика патронов и водителя (при наличии отдельной автомашины). Наводчик считался командиром расчёта (отделения).

К пулемёту прилагалась очень краткая инструкция по обслуживанию и управлению пулемётом.

-
1. Эти воспоминания автор написал в возрасте 92-х лет и сам набил текст на компьютере.
 2. Л. Кантолинский учился в 1-м Харьковском медицинском институте, студенты которого в начале войны вместе с институтом эвакуировались в город Чкалов. Из-за очень плохого зрения у него был "белый билет", освобождавший от службы в армии, но Лев его порвал и ушёл на фронт с 3-го курса института.

Во время одного из увольнений в близлежащий город Тамбов я нашёл там в библиотеке при Доме Советской Армии более подробное «Наставление» по этому пулемёту, сделал некоторые выписки и, таким образом, оказался единственным в роте «знатоком» пулемётного дела и впоследствии обучал обращению с ним других, включая и офицеров.

В сентябре 1943 года нашу бригаду, под командованием полковника Юревича, Евгения Антоновича, включили в состав 8-го мото-механизированного корпуса, которым командовал генерал-майор Хасин Абрам Матвеевич. В октябре бригаду перебросили под Москву, где были завершены комплектация и пополнение бригады. В конце октября мы получили новое обмундирование и снова погрузились в эшелоны. Вдруг пошёл дождь, и мои новые валенки размокли, а левый так разлезся, что из него торчали пальцы. Утром дождь прекратился и подморозило. По чьему-то совету я добежал до огромного пульмана, его раздвижные двери были широко открыты, а на металлическом днище пылал небольшой костёр, вокруг которого сидели и грелись бойцы.

Увидев состояние моей ноги, бойцы раздвинулись и дали мне место. Я растёр подмороженные пальцы, подсушил и перемотал портянку, набил валенок сеном, которое высмыкнул из скирды, оказавшейся недалеко от вагона, и вернулся в теплушку к своему расчёту. Днём нам заменили валенки на армейские ботинки.

Советский праздник, 7 ноября, День Октябрьской революции, отметили в дороге. 8 ноября, по прибытии на небольшую железнодорожную станцию Кобеяки, уже на Украине, нам сообщили, что корпус переводят на 2-й Украинский фронт, которым командовал генерал армии (впоследствии маршал) Иван Степанович Конев.

Мы получили команду разгружаться и следовать в направлении Днепра. Марш к месту сосредоточения, 110 км, был чрезвычайно тяжёлым: дожди, бездорожье, овраги, речушки. Наши ЗИС-ы были очень маломощны, имели только 1 диффер (ведущий вал), на подъёме соскальзывали вниз, и их наверх вытаскивали либо танки, либо американские Доджи и Студебеккеры, которых тогда было ещё очень мало. ЗИС-ы на мягких грунтовых дорогах глубоко застревали, как говорится, «садились на диффер», и нам часто приходилось самим толкать их, ломать и подкладывать под колёса ветки, чтобы сдвинуть их с места. Несколько раз приходилось машину разгружать и тащить сложенный пулемёт (180кг) на катках. Особенно тяжело было выволакивать его в одиночку из ложбин и оврагов. Подносчик патронов тащил на себе боеприпасы (две подвесные коробки с патронными лентами), а водитель оставался с машиной. Иногда пулемёт в сложенном (наземном) положении крепили прямо на танке, за башней, и я трясся рядом с ним, хватаясь за различные выступающие детали, чтобы не слететь на ухабах.

Особенно опасной и страшной была ночная переправа через Днепр по узкому понтонному мосту, который колебался под ногами и погружался в воду под тяжестью машин и танков. Нам повезло, что не было бомбёжки.

Прибыв к вечеру в район выжидательных позиций, мы, промокшие от дождя и пота, так устали, что, обнаружив вблизи сеновал, зарылись в сено и тотчас уснули. Утром, на рассвете, когда по команде «Подъём!» мы вылезли из сарая, от всех нас валил пар. Это было забавно и смешно, и мы хохотали, указывая друг на друга пальцем.

В конце ноября танковые батальоны двинулись в наступление на сильно укреплённый район врага южнее Кременчуга. Мы следовали за ними и готовили пулемёты к первым боям с нашим

участием. Наступление было таким стремительным, что мы еле успевали следовать за танковыми батальонами. Разгромив группировку противника, наши танки вышли на подступы к городу Александрия. Начались тяжёлые бои за город и его окрестности. Бригада несколько раз прорывалась в тылы противника, попадала в окружение, держала круговую оборону, подвергалась артобстрелам, атакам тяжёлых танков и авиации, несла большие потери в личном составе и технике, но задачу выполнила, благодаря и её активным действиям, город был взят, а бригаде в составе 8-го мото-механического корпуса было присвоено звание «Александрийской».

Нашу роту переводили с одной позиции на другую, и нам приходилось то отражать воздушные атаки Юнкерсов, то ставить пулемёт в наземное положение и принимать участие в обороне. Всё это было неимоверно тяжело, так как при каждой перемене позиции приходилось рыть новый котлован (ячейку) для пулемёта (приблизительный диаметр 180см, глубина 150см) и окопчики для себя. Поднимать пулемёт (130кг) на треногу, - хотя и без щита (26кг), без катков (13кг) и без навесного ящика с патронной лентой (8кг), - и опускать его в наземное положение мы научились отработанными приёмами за 2-3 секунды, но каждый раз опускать его в котлован, а затем вытаскивать, взваливать на грузовичок и там снова устанавливать на треногу было очень тяжело.

Мы всё время так были заняты стрельбой и рытьём, что времени для страхов или для мыслей об опасности просто не оставалось.

Особенно тяжёлые бои разгорелись за село Батызман в районе Криворожья. Бригада ночью, проделав большой марш, ворвалась в расположенное в тылу немецкой обороны село и овладело им. Противник начал усиленные контратаки большими силами. Мы поставили наш

грузовичок с установленным на треноге пулемётом в указанном нам месте, почти вплоты к ближайшей хате, так чтобы очертания машины сливались с пристройками дома и были плохо различимы для немецких лётчиков. Не успели мы приступить к копанию окопчиков, как вдруг невдалеке что-то грохнуло. Сержант Галенко бросился на землю, пополз к укрытию и завопил: *«Ложись!.. Чего стоите, идиоты?..»* Мы посмотрели на него вначале с некоторой насмешкой, но тут же бросились на землю, так как вблизи прогремел еще один разрыв, а за ним и другие. Как только наступило затишье, мы быстро выкопали неглубокие окопчики и ячейку для пулемёта, но отдохнуть не успели, так как появились немецкие бомбардировщики и раздались взрывы бомб.

Юнкерсы были далековато. Я навёл пулемёт в их сторону, пытаюсь поймать в кольцевой визир самолёт, так чтобы подставить на его пути центральное колечко визира. Стрелять разрешалось по «Наставлению» только короткими очередями, чтобы не разогревался ствол, а если он разогреется, то полагалось делать короткий перерыв, пока ствол немного остынет. Так мы и действовали.

Даже если я ни в кого не попадал из-за дальности целей и других причин, всё равно такой заградительный огонь был полезен, так как создавал помехи противнику в маневрировании и бомбометании. Наш крупнокалиберный пулемёт (12,5мм) стрелял бронебойно-зажигательными, трассирующими пулями. Трасса, особенно яркая в темноте, была видна немецким лётчикам, а это представляло определённую опасность и для нас, так как она выдавала расположение источника огня.

Так и в этот раз: пока я стрелял, ствол сильно разогревался, и мы сделали перерыв, укрывшись в небольшом окопчике, глубиной примерно 0.5м, я и

Кувшинов, водитель, пацан, который из-за малого роста подкладывал под себя на сиденье свёрнутую фуфайку, чтобы видеть дорогу. Мы с трудом уместились в окопчике валетом.

В это время молодая солдатка, имени которой я уже не припомню, которая числилась в нашей роте, кажется, санинструктором, будучи, вероятно, под хмельком, никого не спросив, подскочила к пулемёту, схватилась за рукоятки и, поведив стволом, нажала на спусковые крючки (курки), то есть дала пулемётную очередь, при этом умудрилась задеть высокую соломенную крышу соседней хаты. Крыша загорелась. Повалил густой чёрный дым. Из чердака сквозь образовавшиеся дыры повыскакивали куры. Один петух загорелся. Он бегал по двору, как живой факел, громко кукарекал и хлопал крыльями, отчего огонь на нём разгорался ещё сильнее. Зрелище, несмотря на его драматизм, со стороны выглядело довольно комично, и солдаты хохотали.

Дым, который повалил из горящей хаты, видимо, привлёк внимание немецких лётчиков, и один самолёт стал делать заход над нами. Вдруг я увидел, как три бомбы, одна за другой, летят прямо на нас. Мелькнуло: «*Неужели конец?*» Я мгновенно прижался ко дну окопчика и прикрыл голову руками. Раздался взрыв, за ним другой и третий. Когда самолётный гул затих, я пошевелился... Вроде ничего не болит, только основательно засыпало землёй. Я поднатужился, высунулся из окопчика и окликнул Кувшинова. Он молчал. Я оглянулся вокруг и не поверил своим глазам: буквально в двух шагах от нашего окопчика зияла воронка от авиабомбы, вероятно, на наше счастье, некрупной – килограмм в 50, - а поодаль ещё две такие же воронки. Вскоре появились санитары. Они помогли Кувшинову выбраться из окопчика. Он, как оказалось, был сильно контужен, и его отправили в тыл. У меня во рту была кровь. Откуда

она взялась, я так и не понял. Язык я не прикусил. Только через некоторое время я заметил, что стал хуже слышать, возможно, из-за этого случая. А тогда медики прописали мне недельный отдых при части, о котором я сам и все мои однополчане тут же забыли, тем более что вскоре вновь появился немецкий самолёт, и я снова схватился за пулемёт, стараясь поймать его в кольцевой визир и одновременно стреляя в его направлении короткими очередями. В это же время по самолёту вели огонь и другие, расположенные где-то рядом зенитные батареи. Внезапно самолёт стал быстро снижаться, за его хвостом показался дымок. Ко мне быстро подошёл командир взвода лейтенант Фатхулин: «*Вроде упал. – Беги посмотри!*» Я побежал в нужном направлении и, когда выскочил на опушку посадки, увидел овражек, на противоположной стороне которого лежал слегка дымящийся самолёт.

Рядом оказались ещё солдаты. «*Не подходите – рванёт!*» - скомандовал кто-то. Я побежал в наше расположение, но не успел доложить лейтенанту обстановку, как он скомандовал: «*Пулемёты - в наземное положение! Занять оборону!*» «*Наверно, прорвались немецкие танки*», - произнёс кто-то.

Мы вытащили пулемёты из ячеек, установили их на катки, надели щиты. Перед нами расстиралось большое заснеженное поле, вдали чернел лесок, слева и справа – крайние дома селения. Откуда ждать противника? Залпы орудий, разрывы снарядов, грохотанье гусениц нам слышались то с одной, то с другой стороны. «*Дай, на всякий случай, пару очередей по тому дальнему лесочку*», - скомандовал лейтенант, что я и выполнил.

Дело в том, что наш пулемёт имел прицельную дальность 1.8 км, а дальность полёта пули, если мне не изменяет память, чуть ли не 7 км,

таким образом, наши бронебойно-зажигательные пули могли причинить многие неприятности даже невидимому нами противнику. Видимо, это и произошло, так как через короткий промежуток времени последовала реакция: вокруг, всё ближе к нам, стали рваться снаряды. Не знаю, чем бы это кончилось, но мы вдруг получили команду немедленно отходить. (Это было то, что мы называли «*драп-марш*»). Мы быстро втащили пулемёты на машины. Близко рванул очередной снаряд. Наш шофер дёрнул машину с места, и от рывка узбек Туналиев вылетел из кузова. Я бросился к нему, помог подняться и взобраться на машину. Мы двинулись вслед за двумя нашими машинами, которые уже укатили. Наш лейтенант нас не дожидался и убежал первым. Он был хороший человек, но немного трусоват.

Только мы отъехали от села, как вновь появился немецкий самолёт и стал строчить по нам из пулемётов. Тогда у немцев было ещё достаточно бензина, и немецкие самолёты буквально гонялись чуть ли не за каждой автомашиной. Мы разбежались кто куда и позалегли по разным укрытиям – рывинам, ложбинкам. И здесь я увидел нашего нового комроты. Он шёл по дороге, во весь рост, не укрываясь, с забинтованной рукой на перевязи. Впоследствии мы узнали, что он потерял кисть руки при сегодняшнем обстреле. А он только прибыл к нам из госпиталя, где лечился тоже от ранения. Наши потери в этом бою оказались довольно тяжёлыми: погиб от осколка боец Тугузбаев, которого все уважали. Он был настоящий умелец – на каких-то камушках точил перочинный ножик и им легко брил наголо мокрые головы всех желающих, в основном нацменов.

Самолёт улетел, и мы продолжили свой путь. Через пару минут нас остановил заградотряд. Переговорив с командиром роты, они разрешили нам двигаться дальше. Нашу роту отвели, но

танковый заслон держал оборону в Батызмানে ещё дней пять. После боёв за Батызман нашу бригаду подменили другие части. Нам прислали нового комроты. Об упавшем в Батызмানে немецком самолёте никто не вспоминал, а нас направили в Александрию, где мы и встретили новый, 1944-й год, получили передышку, пополнение людьми и новой техникой.

Обычно в таких случаях в бригаде создавался самодеятельный ансамбль, который выступал перед бойцами и местным населением. Руководили ансамблем – лейтенант Любимов, обладавший красивым тенором, и баянист Моисеев, балагур и куплетист, всеобщий любимец. Я попал в ансамбль, как ротный запевала. Выступления наши у бойцов и местных пользовались успехом. Мы обычно начинали выступление такими сочинёнными кем-то реалистическими куплетами на мотив «Розамунды»:

*Спешили, бежали, немного опоздали,
Горючего на складе не дали,.. не дали.
Обиду сдержали, ни слова не сказали,
Лишь матом обругали и к вам скорей пришли...*

А заканчивали словами:

*... И, отдохнувши, завтра мы ринемся в бой,
Чтобы больше гад ползучий
не топтал нашу землю ногой.*

Успех был обеспечен, и никого не смущало, что у «ползучего гада», скорей всего, и не должно быть ног.

Через 4 дня передышка закончилась и нас направили на передовую. Когда мы выезжали из города, баянист Моисеев, который оказался в нашей машине, вдруг запел:

*"Ты прощай, Александрия,
Вот последний поворот.
Здесь и грипп, и малярия,
И такой плохой народ".*

Впоследствии, при исполнении куплета, последнюю строку он исправил на *«Но хороший здесь народ»*.

Наш путь лежал под Кировоград, где велись суровые бои по окружению большой группировки вражеских войск и освобождению города. Бригаде выпала сложная задача замкнуть кольцо окружения, которую она выполнила с честью.

Бригада также принимала участие в ожесточённых боях, как основная ударная сила подвижной группы, прорвавшейся в глубокий тыл противника. Сама вырывалась из окружения и громила окружённые вражеские группировки в районах Корсунь-Шевченковский, Звенигородка и Шпола, при этом, конечно, несла большие потери.

Наша зенитная рота во всё это время выполняла в основном охранные и заслонные функции на передышках, защищала от угроз с воздуха танковые колонны и другие подразделения на марше, при передвижениях нередко прямо на ходу прибегая к заградительному огню, отпугивая самолёты-штурмовики или разведчики, но в активных боевых действиях рота не участвовала, поэтому и потеря у нас было меньше. Возможно, начальство недооценивало огневую мощь девяти крупнокалиберных пулемётов, стреляющих к тому же бронебойно-зажигательными, трассирующими пулями. Сама трасса имела устрашающий эффект, хотя и демаскировала местонахождение источника огня.

В начале апреля наша бригада была выведена из боёв для переформировки и расположилась почти на всё лето вблизи Кировограда.

В конце августа бригада была направлена сначала под Минск, а затем под Белосток, где мы встретили Новый, 1945-й, год и поступили в распоряжение 2-го Белорусского фронта, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский.

В начале января наша бригада снова в бою. Сначала в составе 8-го мотомехкорпуса вместе с другими частями приняла участие в штурме сильно укрепленного района вокруг польского города Млава, затем - во взятии города и в дальнейшем продвижении с тяжёлыми боями через всю Польшу и, наконец, всего за 5-6 дней - в выходе к южной границе Восточной Пруссии.

Танковые батальоны, громя противника, так быстро продвигались вперёд, что мы едва поспевали за ними, а тылы вообще на много отставали, поэтому мы днями не видели нашей полевой кухни, быстро ликвидировали сухой паёк и питались, как говорится, на подножном корму: например, в брошенных огородах выкопаем остатки картофеля или других овощей, а однажды нас накормили вкусным супом монашки. Помню, во время трапезы одна из них громко произнесла: *«Смачнэго!»* (приятного аппетита), на что я отреагировал: *«Бардзо дзенькуем»* (очень благодарим).

Однажды мы увидели раненую лошадь на трёх ногах. Её нужно было пристрелить, чтоб не мучалась, но никто из нас, и я в том числе, не смогли спустить курок автомата. Лошадь смотрела на нас, а по её морде катились слёзы. (Я вспомнил такое же у Маяковского и слова: *«Деточка, все мы немного лошади, каждый из нас по-своему лошадь»*). Наконец нашли нацмена, который имел дело со скотоводством. Он и пристрелил лошадь, и обработал конину для питания.

По Восточной Пруссии мы быстро продвигались вначале через безлюдные пылающие пожарами города, затем стали попадаться одиночки

или небольшие группки немцев, бредущих почему-то в сторону запада, иногда волочащих за собой какую-то поклажу, затем пошли населённые пункты, где жители оставались на месте. Однажды мы остановились возле покинутого жителями дома. Наши стали осматривать помещение, а я заглянул на чердак и увидел там красивый, отделанный белым перламутром аккордеон. Это был хороший трофей. Я спустился вниз. Играть я не умел, но стал пытаться подобрать какую-то мелодию. В это время рядом с нами остановилась колонна танков.

Танкисты вылезли размяться и подышать воздухом. Один из них подошёл ко мне: *«Дай-ка я попробую»*. И легко заиграл какую-то мелодию.

- *«Подари мне, ты ещё достанешь»*, - обратился он ко мне. Я призадумался – отдавать не хотелось. Но тут все наши поддержали его:

«Отдай! Ты всё равно играть не умеешь, а человек будет играть». Делать было нечего, но я неуверенно произнёс: *«А что ты мне дашь?»*

- *«Пистолет хочешь?»*

- *«Давай!»* Так я стал обладателем немецкого парабеллума. Впоследствии я и его подарил - моему другу и сотоварищу по роте, казаху Ербикееву Сагитаю.

Наша бригада с боями быстро продвигалась по Восточной Пруссии, а затем Померании, освобождая один населённый пункт за другим. У немцев стало не хватать горючего, и их самолёты стали появляться всё реже. Мы снова несли в основном охранную службу, хотя и здесь, как показал опыт, нужно было сохранять осторожность и бдительность. Наш маршрут мы уточняли по условным дорожным знакам на основных перекрестках и развилках дороги, которые устанавливало спецподразделение. Нашим символом была повёрнутая на бок восьмёрка (номер корпуса) с разделительной чертой посередине, справа от которой стояла буква «З» (Зенитная). Но

такие знаки устанавливали только на главных перекрёстках, и приходилось по разным признакам догадываться и определять правильное направление, а иногда случалось и ошибаться. Так и было однажды, когда мы сбились с дороги и случайно освободили один населённый пункт.

Отъехав немного в сторону от основной дороги по довольно широкому просёлку, мы вдруг увидели прямо перед собой большой трёхэтажный дом посёлка и рядом другие строения помельче. *«Дай, на всякий случай, очередь поверх крыши»*, - приказал лейтенант. Мы дали очередь, и тотчас в одном из окон верхнего этажа появился большой белый флаг, а через некоторое время из здания стали выскакивать люди и бежать по направлению к нам. Образовалась большая толпа. Люди были одеты в штатскую одежду и не вооружены. Подбежав к нам, они стали обнимать, целовать нас и говорить на нескольких языках. У меня всё лицо было мокрым от их поцелуев. Это оказались так называемые перемещённые лица, насильственно привезённые на работу в Германию из разных стран. Мы выяснили, что немцев в селении нет. Дальше разбираться было некогда и незачем. Мы развернулись и поехали догонять свою часть.

Был случай, когда мы наскочили на немецкие позиции, но вовремя догадались, успели развернуться и удрать, пока немцы спохватились и только беспорядочно постреляли нам вдогонку.

Здесь, на немецкой территории, особенно опасно было нести караульную службу по ночам. В нашем тылу оставались не успевшие отступить разрозненные группки и одиночки, днём прятавшиеся по чердакам и подвалам, а передвигавшиеся по ночам – они могли нарваться на пост, уничтожить зазевавшегося часового и захватить материальную часть. Нас во взводе было мало – всего 9 солдат, поэтому нам приходилось

много дежурить по ночам. Обычно дежурил один человек по 2 часа.

Помню случай, который произошёл, ещё на Украине: я пришёл ночью сменить на посту бойца Жаркинбаева – пулемёты стоят на месте, на треногах, а часового, к моему удивлению, нигде не было. Уйти с поста, чтобы доложить начальству о ситуации, я не имел права. Я походил в раздумье около часа, а затем обратил внимание на небольшой окопчик, набитый соломой. Я приподнял солому и увидел на дне окопчика сладко спящего часового. Я его разбудил, поругал, и он побрёл в расположение.

Утром комвзвода вызвал нас и стал разбираться: я твёрдо сказал, что сменил его вовремя. Жаркинбаев плохо владел языком и твердил нечто невразумительное – в общем решили, что он заблудился и целый час бродил по посёлку в поисках нашей части. Естественно, что в Германии такое отношение к своему посту было особенно недопустимым. Однажды ночью двигатель нашей машины заглох недалеко от въезда в какой-то посёлок. Все очень устали, и, оставив часового, мы пошли в посёлок отдыхать. Под утро наступила моя очередь дежурить, и я сменил часового. Темно. Прохладно. С двух сторон лес. Тишина. Залезть в кабину я не решился, так как это ограничивало обзор. Я стал тихо похаживать по дороге рядом с машиной. Вдруг я услышал какой-то шорох, как будто кто-то пробирается сквозь кусты. Я быстро залёг под машиной, за колесом, передернул затвор карабина и, направив его в сторону опушки напротив, откуда доносился шорох, громко крикнул: «Стойте! Кто идёт?!» Шорох прекратился. Через пару минут он возобновился вновь – я снова крикнул: «Стойте! Кто идёт?!» - Так повторилось раза три-четыре, и я сообразил, что это, очевидно, лошадь бродит в кустах. Стало светать, и я действительно разглядел лошадь, которая мирно пощипывала травку между кустами.

Но был на посту и более серьёзный случай. По всему чувствовалось, что война близится к концу. Наша колонна стояла на лесной дороге ночью. С двух сторон от дороги - лес и густой кустарник. Я дежурил у пулемёта, закреплённого на треноге прямо в кузове грузовика. Все очертания предметов тонули в глубокой ночной мгле и сливались с окружающим фоном. Внезапно я услышал шорох в кустах, который приближался ко мне, когда зашуршало совсем близко, я воскликнул, как положено: «Стойте! Кто идёт?!» И вдруг неожиданно услышал ответ по-немецки: «Их дойч» («Я немец»).

- «Хенде Хох! Ваффе ауф!» («Руки вверх! Бросай оружие!») – скомандовал я. Я его не видел, а он меня.

«Ваффе ауф!» – повторил я.

«Я-я, ваффе ауф!» («Да-да, оружие бросил!»), – послышалось в ответ. Возможно, он полагал, что я его вижу. Чтобы разрядить обстановку, я как можно более спокойным голосом произнёс:

«Ком хэр. Нихт ангст хабен» («Иди сюда. Не бойся»), - и он вышел из кустов с поднятыми руками. (Я тогда мог немного объясниться по-немецки ещё от школьных уроков). Тем временем громкая немецкая речь разбудила и перепугала наших, и они стали выскакивать и сбегаться к нам со всех сторон с оружием в руках. Я держал немца под прицелом карабина. Кто-то снял с его поднятой руки часы. Кто-то произнёс: «Что с ним делать? Надо прикончить». Я возразил: «Не надо. Война кончается. Он - военнопленный. Мы - не фашисты».

- «Ладно. Будешь сам охранять его до утра», - сказал старшина, помощник комвзвода. Немец залез в грузовик. Я задал ему несколько вопросов. Он отвечал спокойно, доверительно. Я услышал, что он работал техником при аэродроме,

что не успел уйти со своими и добирался домой. Утром его куда-то увели. Видимо, он понял, что я его защитил, но в тот же день невольно меня чуть-чуть крепко не подставил.

Утром, некоторое время спустя, я стоял у своей машины, немного поодаль стояли и разговаривали между собой чуть ли не все бригадные начальники, немца вели куда-то два солдата. Вдруг, проходя мимо меня, он протянул мне руку, и я машинально ответил на его рукопожатие. Из-за этой мелочи у меня могли возникнуть большие неприятности. Дело в том, что существовала и усердно работала такая грозная организация, как «СМЕРШ» («Смерть шпионам»). Чтобы продемонстрировать свою бдительность, они могли прицепиться к любой мелочи и, если не посадить, то изрядно потрепать нервы. Но, слава Богу, всё обошлось без последствий.

Утром я решил посмотреть в кустах, было ли у немца оружие и бросил ли он его там по моей команде. В результате недолгих поисков мне удалось действительно обнаружить в траве две большие противотанковые гранаты с длинными деревянными рукоятками (в связке). Страшно подумать, сколько бед он мог бы наделать, если бы события развивались по-другому.

В апреле 1945 года уже всё более ощущалось приближение окончания войны. К этому времени наша бригада пополнилась новой техникой. В нашей роте появился новый американский бронетранспортёр с четырёхствольным зенитным пулемётом, оснащённым оптическим визиром и автоматическим кнопочным управлением. Была на этой машине и своя рация. Экипаж этого бронетранспортёра мы видели нечасто, так как, пользуясь быстротой машины и её сравнительной бесшумностью, их постоянно использовали в качестве разведки. Нам с появлением этой машины стало ещё тяжелей, так как она управлялась

чистым авиационным бензином, и двухсотлитровую бочку с этим горючим взгромоздили на нашу машину.

После разгрома немецкой группировки и взятия сильно укреплённой военно-морской базы на Балтийском побережье - города Данциг (Гданьск), в битве за который принимала участие и наша бригада, оставалась ещё одна мощная вражеская группировка на северном побережье, вокруг крупного города, порта и военно-морской базы Кенигсберг (впоследствии Калининград), куда и перебросили нашу бригаду. Враги были окружены, отступать им было некуда, поэтому и сопротивлялись они с особым ожесточением.

На исходную позицию наша машина двигалась в общей колонне, между танками по узкой лесной дороге. Немецких самолётов давно не было видно, и мы сидели в кузове, у расчехлённого пулемёта, спокойно покуривая. Вдруг мы услышали рокот приближающегося самолёта. Справа – лес, слева – лес и небольшая полянка. Все танки и машины быстро разъехались в стороны, под кроны деревьев. Я прильнул к пулемету. На дороге осталась только наша машина с задраным вверх стволом пулемёта. Самолёт рокочет где-то рядом, но из-за деревьев его не видно. Вдруг он выскочил прямо передо мной и понёсся над дорогой, поливая придорожные кусты пулемётным огнём. Я мгновенно направил кольцевой визир перед ним и нажал на спусковые крючки – пулемёт молчит... Тут что-то лязгнуло по машине – и я увидел, как из бочки бьют струйки авиационного бензина. В голове мелькнуло: «*Не отпустил предохранитель*». В этот момент из-под танка, стоящего под деревьями, рядом с нами, вылезает наш комвзвода, почему-то, с пистолетом в руке, и злым тоном спрашивает: «*Почему не стрелял?*» Вместо ответа я произнёс, указывая на струйки: «*Он попал в бочку!*»

Самолёт улетел. Танки и машины стали возвращаться на дорогу.

«Скорей съезжай в сторону!» - скомандовал лейтенант.

«Делай медленные круги по поляне», - добавил я. Все наши пососкакивали с машины. Я остался у пулемёта. Мы сделали несколько кругов по поляне, пока уровень бензина в бочке не опустился ниже последней дырочки, и течь прекратилась, затем вернулись на дорогу и пустились догонять нашу колонну. Слава Богу, и на этот раз всё окончилось благополучно.

Кёнигсбергская группировка была разгромлена, и город взят штурмом. Бойцы нашей роты, и я в том числе, как участники штурма, были награждены медалями «За взятие Кёнигсберга».

Наша бригада, как обычно, с боями снова быстро продвигалась на запад, овладевая городами и прочими населёнными пунктами, и наконец закончила боевые действия 3 мая во взятом нами городе Нойштадт, северо-западнее Берлина, где мы и узнали, что Берлин тоже взят нашими войсками.

На этом и окончилась моя военная автобиография, которую я вкратце описал по просьбе моей дочери Иры, вставляя некоторые эпизоды, которые мне более запомнились. Дочка может меня спросить, не слишком ли гладко выглядит в моих описаниях война? Где же всем известные ужасы войны? Насилия? Жестокости? Естественно, всё это было: и вещевое, и половое мародерство. Сами фашистские оккупанты их породили своим варварским поведением, а затем сами же и ощущали на себе и ненависть, и беспредел. Даже в нашей роте судили водителя Гринкова за двойное изнасилование и отправили в штрафной батальон, что тогда было страшнее тюрьмы. Не случайно среди солдат была в ходу такая «шутливая» присказка на смешеньи трёх языков:

«Ком, панинка, шляфен.

– Морген дам часы.

Вшыско едно вОйна.

– Скидывай трусы».

В начале войны широко распространялся лозунг: «Хочешь жить – убей немца!» А когда мы вошли на территорию Германии, нам стали разъяснять, что мы воюем не с немецким народом, а с фашизмом, отсюда и двойственное отношение к немцам, которое у некоторых тогда ещё проявлялось.

Должен отметить, что я писал не столько о войне, сколько о себе, о том, что происходило со мной в этот период. Я хотел показать моим близким, что главные особенности войны – не только необходимость проявлять смелость и боевое мастерство, но это и повседневный тяжелейший труд, и повседневная высочайшая ответственность.

25 августа 2015 года.

